

На самой большой российской монете (вес — 5 кг, диаметр — 13 см, номинал — 50 000 рублей, золото 999-й пробы), посвященной 150-летию Банка России, изображены портреты Александра Штиглица (слева), первого руководителя банка, его преемника Евгения Ламанского (справа) и императора Александра II

РИА НОВОСТИ

Наследник деловой империи первым делом хотел отказаться от звания придворного банкира. Но ему передали «милостивое настояние императора Николая I, с сожалением представлявшего себе возможное прекращение дел столь знаменитого дома».

Отказать императору было невозможно. Александр показал себя достойным продолжателем отцовского дела. В 1843–1846 годах он смог разместить за границей бумаги трех четырехпроцентных займов на строительство Санкт-Петербургско-Московской (Николаевской) железной дороги, за что был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени и золотой, украшенной бриллиантами табакеркой с вензелем Его Величества. В 1846 году избран председателем Биржевого комитета на трехлетний срок, впоследствии четырежды переизбирался на должность. До 1859 года все внешние займы России были совершены при участии банкирского дома Штиглица, причем самые значительные (по 50 млн руб.) — в 1854–1855 годах, в период Крымской войны. За пожертвование 300 тыс. руб. серебром на нужды правительства в 1854 году Александр Штиглиц получил чин статского советника, а в 1856 году — действительного статского советника.

Разумеется, никогда не занимавшийся и не интересовавшийся коммерцией Александр не мог в один миг превратиться в финансового гения. Логично предположить, что рядом с ним должен был находиться кто-то, ставший его помощником и учителем. Это-

го человека звали Константин Карлович Фелейзен. Константин Фелейзен, сын гоф-маклера (главного маклера) Санкт-Петербургской биржи, проработал в «Штиглиц и К°» более двадцати лет. Начинал приказчиком при отце, при сыне стал управляющим, а также компаньоном барона Александра во многих его начинаниях. В 1847 году Штиглиц стал крестным отцом сына Фелейзена Евгения.

При поддержке Фелейзена семейная «Невская бумагопрядильная мануфактура» была преобразована в акционерную компанию с основным капиталом в 1 млн руб. Было выпущено 2 тыс. акций, из которых 1190 приобрел Штиглиц. В 1861 году на предприятии было

заято более 2 тыс. человек, капитал мануфактуры превышал 7 млн руб., она являлась крупнейшей бумагопрядильной фабрикой России.

В 1856 году Александр Штиглиц вместе с Константином Фелейзеном и Александром Преном основали «Компанию Екатеринбургского сахарного завода». В 1864 году завод сторел, и Штиглиц выкупил все акции у компаньонов.

Высокодоходные водопады

Первые суконные фабрики на берегах реки Нарвы в том месте, где она сейчас разделяет города Нарва (Эстония) и Ивангород (Россия), появились в 20-е годы XIX века. Станки приводились в движение энергией воды нарвских водопадов. В 1836 году было основано товарищество на паях «Нарвская мануфактурная компания», купившее обанкротившуюся фабрику у купца Пауля Момма. Товарищество было учреждено нарвским купцом Крамером, владевшим землей, на которой стояла фабрика. В число компаньонов Крамера входили министр иностранных дел Карл Нессельроде, шеф жандармов граф Александр Бенкендорф и также, возможно, Людвиг Штиглиц. В том же году Штиглиц-старший купил у Крамера

Памятник барону Штиглицу рядом с железнодорожной станцией Новый Петергоф (здание вокзала, как и ведущая к нему железная дорога, были построены по инициативе и на деньги Штиглица)

Александр фон Штиглиц не только сохранил состояние и доброе имя, но и приобрел репутацию одного из самых мудрых финансистов российской истории

СЕМЕН ЛАХОДЕВ / ТАСС

Дяди Штиглицы

Три брата Николай, Бернгард и Людвиг Штиглицы из города Арользен (сейчас — Бад-Арользен), столицы немецкого княжества Вальдек-Пирмонт, приехали в Россию в конце XVIII века. Старший из братьев, Николай, первоначально поселился на юге страны (в разных источниках его называют то евпаторийским, то херсонским купцом) и занялся разведением овец мериносов. В 1799 году он вместе с купцом Абрамом Перетцем взял соляной откуп. За 280 тыс. руб. в год компаньоны получили право в течение двух лет торговать крымской солью в пяти губерниях. Родилась поговорка «Где соль, там и Перетц». Контракт был продлен на восемь лет в последний день правления императора Павла I 24 марта 1801 года, но уже в мае того же года расторгнут Сенатом. В качестве причин назывались завышенные цены и притеснение конкурентов. Николай Штиглиц перебрался в Санкт-Петербург. В 1811 году он вместе с Перетцем получил подряд на снабжение армии. Также Николай стал компаньоном по винному откупу одного из крупнейших откупщиков империи — графа Дмитрия Зубова. В статье Сергея Дзюбанова, хранителя экспозиции Музея Г. Р. Державина и русской словесности его времени, «Зачали уже описывать дома и деревни... (о финансовых проблемах Г. Р. Державина)» рассказывается: «Перед сдачей Москвы Наполеону в конторе Московского откупа находилась крупная сумма денег — более 270 тысяч рублей наличными, большая часть которых предназначалась для внесения в казну как налог. Последним из откупщиков, кто побывал там перед входом в город французов, был компаньон Зубова евпаторийский купец Штиглиц... он должен был забрать перед отъездом из Москвы эти деньги, но Штиглиц все отрицал, а доказать что-либо после вторжения французов и пожара Москвы было невозможно. По словам Зубова и генерал-лейтенантки графини Комаровской, Штиглиц также взял деньги, предназначавшиеся в уплату производителям алкоголя, а позднее якобы присвоил и 8 миллионов рублей, принадлежавших майору князю Мещерскому и коммерции советнику Перетцу. Однако доказать все это в суде не удалось... от Штиглица графу Зубову не удалось получить ничего». Николай Штиглиц скончался в 1820 году. Будучи бездетным, он завещал все свои деньги брату Людвигу. Второй брат, Бернгард, ставший в России Борисом, так же как и Николай, занимался выращиванием овец мериносов и винными откупами. Жил в Одессе и Херсоне, состоял в 1-й гильдии одесского купечества, при поддержке брата Людвига открыл в Одессе банкирскую контору.